

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая Юриспруденция и журналистика

Глава первая. Вербовка с непристойным псевдонимом	3
Глава вторая. В свободное от учебы время	29
Глава третья. Тухлятина	88
Глава четвертая. По линии контрразведки	124

Часть вторая Программа «Чистые руки»

Глава первая. На высшем уровне	182
Глава вторая. Следственная работа	209
Глава третья. Экзамен на грузчика	249
Глава четвертая. Жизнь под легендой	264
Глава пятая. Организация	331

Часть третья Свиньи возвращаются к кормушкам

Глава первая. Борьба за выживание	389
Глава вторая. Не загоняйте людей в угол	422
Глава третья. Совесть убийцы	449
Глава четвертая. Радикальные решения	467

Часть четвертая Без поддержки

Глава первая. Покушение	482
Глава вторая. Холмс и Кирпич	513
Глава третья. Право на самооборону	535

Часть первая

Юриспруденция и журналистика

Глава первая

ВЕРБОВКА С НЕПРИСТОЙНЫМ ПСЕВДОНИМОМ

*Тиходонск,
27—28 мая 1991 года.*

— Тебе холодно? — удивился Сергей, чувствуя, как над бровью собирается пот.

— Нет.

— У тебя кожа пупырышками.

— Просто волнуюсь, — сказала Антонина.

Странно. Она не та девочка, чтобы волноваться в подобной ситуации.

Словно подтверждая эту мысль, Антонина взяла его огромную ладонь и просунула дальше в вырез блузки. Сергей вспотел еще больше. Огрубленная металлом кожа ощутила мягкую грудь и напряженно вытарчивающий сосок.

«Как бы не оцарапать», — озабоченно подумал он, наклоняясь к пахнущему духами лицу.

На этот раз она не ускользнула вниз и не отвернулась, напротив — подалась навстречу, раскрывая горячие губы. Ему показалось, что порыв не очень-то

искренен: вон и глаза не закрыла, косит куда-то в сторону... Но посторонние мысли тут же исчезли...

Язык его оказался в узкой влажной полости, девушка то с силой всасывала его в себя, то отпускала, ритмично двигая головой взад-вперед. Чувствовался немалый опыт. Чего же она строила из себя целку столько времени?

— Ну, что? — Она отстранилась, с любопытством разглядывая кавалера. — Понравилось?

— Мгм, — промычал Сергей. Он обвел глазами подсвеченные фонарями старые липы, усеянную мусором траву, темные провалы расходящихся аллей. Осторожно дотронулся распухшим языком до нёба.

— Ясный перец, крошка.

Антонину никогда не обижали мужским вниманием, это точно. На втором курсе у нее был дружок-араб, потом был немец из торгового представительства, потом пакистанец, а потом два сирийца, которые в конце концов порезали друг друга, и у одного из них вытек глаз. Да еще этот отирался, с юрфака, в твидовом пиджаке а-ля Пинкerton. Он дарил ей розы и с загадочным видом курил прямую короткую трубку.

Это только то, что на виду; какой была подводная часть айсберга, оставалось только догадываться. Но все это в прошлом, теперь настала его, Серегина, очередь. Она крутила, крутила хвостом, но теперь, похоже, сдалась. Может, прямо сейчас и даст — мало ли в укромных местах скамеек... А раз так, он наведет порядок. Его баба — это его баба. Всем отвала на полкило. Кто не спрятался, я не виноват.

— Еще раз увижу, что он рядом с тобой отирается, — ноги повыкручиваю, — сказал Сергей.

— Кто?

Ресницы Антонины удивленно щекотнули его щеку.

— Сама знаешь.

— Не знаю. Ты про Омара?

На кончике языка, похоже, выросла шишка — будто горячую котлету целиком проглотил. Сергей вздохнул и повторил:

— Сказал: ноги повыкручиваю.

— ...Может, Сахи?

— Нет, не Сахи.

— Наверное, Денис.

Теперь ресницы трепетали где-то на шее.

— Я его заставлю трубку проглотить,— сказал Сергей.

— Ага.

Спина Антонины выгнулась, округлые груди вывалились из расстегнутой блузки, а бедра внутри были мягкими и горячими, будто она все время держала грелку между ног.

Сексуальная стерва, этого у нее не отнимешь. Как-то явилась на занятия в голубых «дизелях» в обтяжку, и декан поспорил с преподавателем стилистики на ящик «Двина», носит ли она трусики. Оказалось, носит. Только французские, тончайшие, невиданной формы: треугольничек впереди — и все, даже рука не отличит, где кончается белье и начинается тело. Доцента Голуба после этого открытия три дня тряслось. Он угрожал месячное жалованье на коньк, вусмерть разругался с деканом, ушел из семьи, ночевал в контейнере на заросшем бурьяном садовом участке, а потом якобы предложил Антонине выйти за него замуж. Говорят, она трахнула его еще разок — из сочувствия. И послала подальше.

А может, все это просто болтовня.

Вполне даже может быть. Вот Серега, то бишь Сергей Курлов, ходил с Антониной уже целых два месяца, и за все это время, вплоть до сегодняшнего дня, ничего ему не упало. Ну ни грамма. Сказать кому — не поверят.

Они ходили по Пушкинскому скверу, ходили в кино, в гриль-бар «Под якорем» ходили, даже в кабак пару раз... И что? Да ничего, ровным счетом! В темном кинозале он притянул ее вплотную и только кофточку расстегивать, как она глазищи вытаращила и прокричала ужасным шепотом: «Ты что, с ума сошел?!» И в баре, когда под столом коленки погладил и чуть выше полез,— то же самое. Главное, без наигрыша, искренне, глазищи чистые, и голос дрожит от возмущения... Думал, думал Серега и решил, что брешут про нее все. Из зависти: все хотят, а никому не обламывается...

А хотят все, без исключения, это невооруженным взглядом видно. Мужики на нее очень недвусмысленно пялились, даже если у кого на руке супруга законная висела, или детишки. А многие липнуть начинали. Все время липли, будто медом им намазано. В основном это были или пьяные, или нарождающиеся скоробогачики из кооператоров да предпринимателей, на дорогих тачках. Денег полные карманы, рожи квадратные, глазки поросячий, каменные челюсти. Сергею, хочешь не хочешь, приходилось разговаривать с ними со всеми, хотя какие с этим быдлом разговоры... Приходилось или в торец заезжать, или «мельницу» крутить, или заднюю подсечку демонстрировать. Силу все понимают, сразу отставали, без вопросов, и они с Антониной продолжали ходить дальше.

Волынка эта продолжалась до сегодняшнего дня. Непонятно почему, но именно сегодня, именно здесь, на этой скамейке в обезлюдевшем Октябрьском парке, Антонина вдруг прониклась пониманием, сбросила маску недотроги и сразу стала самой собой. Красивой опытной стервой.

— ...Ты не бойся,— ласково прошептала она.— Мне не больно.

— Я не боюсь,— хриплым голосом сказал Сергей.— Просто руки вспотели.

— А у меня они никогда не потеют.

Она сложила свою сухую узкую ладошку ковшиком и положила поверх замка Сережиных джинсов, прямо на вздувшийся, горячо пульсирующий бугор — будто птичку поймала. И сжала легонько. Сергей чуть не взвыл.

— Ладно. А теперь пойдем,— сказала Антонина, убрала руку и встала.

— Куда? — поднял голову Сергей.

— У меня подруга живет на Богатяновке, родители уехали, и она нас пустит хоть до утра...

Вот так. Ясно и понятно. Но чего она тогда привела его в парк, чего сидели, дожидались темноты, он даже о замызганных скамейках стал думать... Ну да ладно, какая разница...

Сергей, в котором было метр девяносто росту и центнер с гаком весу, конечно, все сделал так, как она сказала: встал и пошел. Даже рюкзачок ее вызвался поднести — новенький, из мягкой рыжей кожи, с серебряной нашлепкой «Дэниел Рей».

— Спасибо, я сама,— сказала Антонина, забрасывая рюкзачок за плечо. Зато когда Сергей приобнял ее и руку откровенно положил на упругую грудь — не возразила ни словом, ни жестом.

Аллея напоминала тоннель с желтыми пятнами света под нечастыми фонарями. Когда они входили в очередной световой круг, девушка слегка отстранялась, но потом вновь прижималась, даже еще плотнее.

— Подожди, ты куда? — вдруг врубился Сергей.— Нам в другую сторону!

— Я в туалет хочу! — напряженно ответила Антонина.

— Ну, ты даешь! Да здесь за каждым кустом туалет!

— Нет, мне так не нравится...
— Ну, ты даешь,— повторил Сергей.— Да он, небось, и закрыт давно!
— Сейчас посмотрим.

Впереди тусклый фонарь освещал каменные ступеньки, вытянутая коробка нужника с загнутыми под прямым углом входами в мужское и женское отделение терялась за деревьями, только отдельными фрагментами угадывались беленые стены. Сергей знал, что они испещрены непристойными надписями. Это было самое глухое место в парке. По слухам, днем здесь собирались гомосексуалисты и проститутки. А ночью вряд ли кому-нибудь могло стукнуть в голову прийти сюда помочиться. И чего она придумала? Ну да ладно, не важно. Важно сейчас совсем другое...

С удовлетворением собственника Сергей провел ладонью по гибкому телу, чувствуя, как тонкая ткань трется о гладкую кожу, как горячие ягодицы плавно двигаются в такт шагам... Сейчас все его внимание было сосредоточено на этом. И еще на языке, который ныл, не переставая, заставляя думать о всяких приятных неожиданностях, которые ожидают там, на Богатяновке.

— Подожди меня здесь,— Антонина направилась к ступенькам. Короткая юбка высоко открывала белеющие в сумерках ноги. Невысокие каблучки открытых босоножек выбили нервную дробь на изъеденных временем плитах, и девушка растворилась в темноте.

И вдруг Серега ощутил опасность. В темноте прятались люди! Он никого не видел и ничего не слышал, но отчетливо почувствовал их присутствие. Очевидно, какое-то первобытное чутье, компенсируя беспомощность зрения и слуха, восприняло напряженные биополя и тепло чужих тел и предупредило об угрозе. Потому что еще со скифско-сарматских

времен затаившиеся в темноте чужаки означали только одно — набег, засаду, беду...

— Эй, Антонина, иди сюда! — нарочито грубым и уверенным голосом позвал он. — Счас ребята подвалят, а тебя нет!

— Подождешь! — почему-то зло бросила она. В звенящей тишине до Сергея отчетливо донесся звук вставляемого в замочную скважину ключа.

«Сортира она отпирает, что ли? Совсем стебанулась?!»

Надо было что-то делать, но что именно — Сергей совершенно не представлял. Вдруг ему померещилось... Выставится перед девчонкой полным дураком!

Под ногу попался камень. Действуя инстинктивно, без всякого расчета, Сергей нагнулся, поднял неровную четвертинку кирпича и запустил в кусты. Раздался глухой удар.

— ...Твою мать! — разорвал тишину искаженный болью мужской голос. И сразу же другой — холодный и решительный четко скомандовал:

— Вперед! Свет!

И сразу все переменилось. Темнота ожила, и ожила очень бурно. Из зарослей выпрыгивали быстрые целеустремленные тени, яркие вспышки ослепили Сергея, вначале он подумал — молнии или бесшумные выстрелы, но тут же понял, что это фотоблизы. Вспыхнули прожектора, превращая захудалый общественный туалет в декорацию киносъемок, причем Курлов не был в них даже статистом.

В центре внимания оказалась Антонина: на ней пerekрещивались слепящие лучи портативных ламп-фар, ее снимали несколько фотоаппаратов и видеокамера, к ней огромными прыжками неслись затянутые в темное фигуры. Ошалев, она металась по съемочной площадке, двумя руками прижимая к груди свой рыжий рюкзачок с серебряной нашлепкой, словно самую ценную и необходимую вещь. Тем нелогичнее выглядело то, что она

сделала через секунду: резким движением забросила «Дэниел Рей» в темноту. И тут же ее схватили. Грубо, как в кино банда насильников хватает беззащитную жертву, — за руки, поперек туловища, за голову...

Распахнулись двери туалета, и оттуда выскочили еще четверо с портативным прожектором и видеокамерой. Двое бросились за рюкзачком, двое — к Антонине.

— Что вам от меня нужно?! Что нужно?! — истерично верещала она.

— Голову, голову страхуй!

— Да она без воротника!

— Все равно!

Фигура без лица черной лапой подхватила Антонину под подбородок и запрокинула ей голову.

— Нашел! — торжествующе крикнул еще один, тоже в черной маске, выныривая из кустов с поднятым над головой рыжим рюкзачком. Снова защелкали фотоаппараты, и видеоператор наехал своей камерой, делая крупный план: то ли рюкзак на фоне Антонины, то ли Антонина на фоне рюкзака.

— Что вам нужно? — сдавленно, сквозь стиснутые зубы кричала девушка.

Сергей не знал, на кой незнакомцам сдался этот «Дэниэл Рей», но вот что им было нужно от девчонки, у которой юбка, едва прикрывающая лобок, сногсшибательные ножки и самая смазливая мордашка во всей Тиходонской области, — это он знал на пять с плюсом. Выйдя из оцепенения, Курлов бросился вперед. Время растянулось, и за пять прыжков он успел осмотреться и оценить обстановку. Противников было человек двенадцать — некоторые в темных облегающих трико и в масках с прорезями для глаз, некоторые — в обычной одежде.

Антонину держали трое. Двое в цивильных костюмах конторских клерков вцепились в руки, третий, в маске, запрокидывал назад голову.

Бац! Бац! — падающими кеглями клерки перечеркнули залитую светом площадку и неподвижно растянулись на замызганном бетоне. Теперь прямой правой в черную маску, та уклонилась, удар пришелся вскользь, но все же хватило, чтобы и третий отлетел в сторону.

Потеряв равновесие, Антонина ойкнула и упала на спину. Юбка задралась так, что стали видны те самые трусики. Девушка дрожала, как осиновый лист, и повторяла без умолку:

— Паскуды, а?.. Пас-скуды, пас-скуды!..

Лицо ее было то ли мертвенно-белым, то ли светло-зеленым. Черные провалы глаз, вспухшие фиолетовые губы. Как у ведьмы. Что сделали с девчонкой, суки! Будто кровь выпили...

Он выпрямился. Со всех сторон налетали упыри — с лицами и без лиц. Сергей стал в стойку. Бац! Бац! Крак! Прямой правой, крюк левой снизу, теперь ногой в корпус... Те, которые в костюмах, падали легко, а безликие уклонялись от ударов, да и сбить их с ног почти не удавалось... Сергей уже пропустил пару плюх в голову, еле вырвал руку из захвата на излом, вовремя согнув ногу, спас колено от перелома.

— Беги, — хрюплю выкрикнул он. — Беги!

Ему тоже что-то кричали, но он не понимал — что, хотя проскальзывало в отрывистых бессвязных фразах нечто знакомое, грозное и пугающее.

Сбив подсечкой очередного клерка, он распахнул рубашку, чтобы не мешала рукам работать. Пуговицы посыпались на бетон. Конторские пиджаки куда-то исчезли, теперь вокруг сгрудились мощные фигуры в трико и устрашающих масках. Внезапно мелькнула мысль, что он ошибся и здорово вляпался, но она прошла по краю разгоряченного сознания, а додумываться было некогда: сильная рука подхватила его сзади под горло и резко выпрямила, вдавливая кадык в гортань и перекрывая кислород.